

Глава XIV

ПЕРВЫЕ РЕФОРМЫ

Подготовка к XXVII съезду КПСС и преобразования структур управления во второй половине 1985 г.

1. Навстречу съезду

XXVII съезд КПСС, который войдет в историю как съезд Перестройки, планировался как форум ускорения. Выступая на октябрьском Пленуме ЦК, посвященном подготовке документов этого конгресса, Горбачев говорил: «С концепцией ускорения наша партия сегодня выступает перед народом, с ней она идет к очередному XXVII съезду. Это стержень всех трех документов, выносимых на обсуждение настоящего Пленума ЦК КПСС»¹. Ускорение, идея которого пронизывала политический доклад и план основных направлений экономического развития, должно было привести к переходу от экстенсивного развития к интенсивному, к образованию «качественно нового состояния общества»². Так на горизонте официальной коммунистической идеологии стала маячить новая революция — качественное преобразование.

Одной из задач съезда была корректировка Программы КПСС, очищение ее от утопических деклараций Хрущева. Необходимость такой корректировки следовала еще из статей Андропова, но вносить изменения в Программу следовало без «потери лица». Поэтому Горбачев заявил, что «жизнь подтвердила правильность основного содержания третьей Программы партии»³. Однако теперь она должна «быть свободной как от излишней детализации, беспочвенной фантазии, так и от книжной премудрости, игры в дефиниции»⁴. Программа должна была получить более прикладной характер. Партия прощалась с романтическим прошлым и рискованными прогнозами наступления коммунизма к определенному сроку. Это, конечно, не значит, что Горбачев собирался отказаться и от идеи коммунизма как таковой⁵.

Новая редакция Программы партии была давнишней заботой Горбачева — ему было поручено курировать ее разработку еще в 1984 г. «кронпринц» поддерживал формулы разработчиков программы, которые позволяли «от-

далить» задачи коммунистического строительства (идею о том, что мы не построили социализм, а вступили в него; незавершенность задач развития «социалистической фазы» и др.)⁶. Эти теоретические фокусы должны были приблизить Программу к жизни. Руководитель рабочей группы по подготовке Программы В.Печенев даже предложил отказаться от формулы «развитой социализм» и перейти к другой: «совершенствование построенного у нас социализма». На это Горбачев не пошел, ответив: «“Сначала выбросили “коммунизм”, а теперь, скажут нам, за социализм взялись. Нет, — тверже проговорил он, — нас не поймут”. И еще тверже, возможно, сам себя убеждая, добавил: “Ну и потом ведь в целом (он развел в этом месте руками) у нас же построен развитой социализм!”» Споры о «развитом социализме» продолжались и в дальнейшем. В конечном итоге из Программы исчезло положение о совершенствовании «развитого социализма» и осталось лишь признание того, что страна в него «вступила».

Горбачев не хотел ссориться с догматиками в ЦК и часто уступал им, если какая-то «антикоммунистическая» формулировка оказывалась «разоблаченной» (по данным В.Печенева, особенно активно сопротивлялись пересмотру Программы Е.Лигачев, В.Пономарев и В.Медведев)⁷. Выступая на одном из совещаний по поводу подготовки Программы, будущий секретарь по идеологии В.Медведев критиковал тех, кто пытался умалить коммунизм в Программе: «Предлагали даже сместить положения о высшей фазе и выразить их в общей декларативной форме только во Введении или в Заключение Программы. С этим ЦК тоже не согласился»⁸. По-прежнему каждый день трудовых свершений должен был приближать советских людей к идеальному обществу: «Мы твердо держим курс на коммунизм, исходя из того, что между двумя фазами единой коммунистической формации нет и не может быть резкой грани»⁹. Такой эволюционизм избавлял КПСС от необходимости называть новую дату пришествия коммунизма. Впрочем, теперь в такую дату мало кто поверил бы.

После октябрьского Пленума ЦК КПСС, одоббившего проект новой редакции, последний был опубликован. Главная идея новой редакции заключалась в прагматизме и эволюционизме: «Третья Программа КПСС в ее нынешней редакции — это программа планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны. Это программа борьбы за мир и социальный прогресс... Социализм и коммунизм являются двумя последовательными фазами единой коммунистической формации. Между ними нет резкой грани: развитие социализма, все более полное раскрытие его возможностей и преимуществ, укрепление присущих ему общекоммунистических начал и означает действительное движение общества к коммунизму»¹⁰. «Непосредственная практическая задача» построения коммунизма, содержавшаяся в Программе¹¹, была из нее вычеркнута. Фронтальное наступление на высоты коммунизма отменялось. Программа была так сильно переработана, что в пору было говорить о принятии новой, четвертой Программы КПСС. Но этого делать было нельзя — принятие новой Программы взамен невыполненной означа-

ло бы признание провала курса партии. Поэтому формально речь шла о новой редакции.

Публикуя документы партии для обсуждения, руководители КПСС утверждали, что открывают этап «большого и прямого совета партии с народом по важнейшим вопросам экономики и политики... Ни одна полезная мысль, ни одно предложение не должно остаться без внимания»¹². Определять, какие мысли «полезные», а какие — нет, предстояло аппарату ЦК. Однако не только в публичных заявлениях, но и на узких совещаниях Горбачев готовит почву для будущей гласности, указывая руководителям на недопустимость преследования за критику (если, конечно, это не критика строя): «У нас нет оппозиции, поэтому больше внимания надо уделять критике и самокритике, уметь правильно реагировать на критику, развивать ее и поддерживать... Да и надо сказать, кое-кто научился очень изощренно мстить за критику»¹³.

Публикация проекта Программы положила начало его публичному обсуждению, которое велось официальной прессой в апологетическом тоне. Актер О. Табаков, например, отметил: «Между добром и злом, добродетелью и пороком, благородством и низостью проектом важнейшего партийного документа проводится четкая и ясная черта»¹⁴. «Допущенная к столу» интеллигенция была готова характеризовать проект в тех же выражениях, которые несколько лет спустя будет относить разве что к Священному Писанию.

Не отставал от Табакова и президент Советской ассоциации политических наук Г. Шахназаров: «Но, с уважением относясь к многочисленным политическим документам нашей эпохи, по достоинству оценивая их разностороннее воздействие на ход общественного развития, нельзя не признать особого, выдающегося даже на этом широком историческом фоне, значения новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза». За этим славословием, впрочем, крылось отчетливое желание показать «прогрессивные сдвиги», достигнутые при работе над проектом «авторитетной комиссией»: «устранены некоторые некорректные политические формулировки, излишняя детализация процессов формирования будущего и, в особенности, необоснованные, оторванные от реальности параметры экономического роста. В целом я рискнул бы сказать, что из партийной программы убраны определенные элементы прожектерства и утопизма»¹⁵. Если устранение этих «элементов» имеет такое всемирно-историческое значение, это значит, что они были весьма существенны. Таким образом, в советской печати уже фактически признавалось, что четверть века партия жила по Программе, которая была в значительной степени утопической и прожектерской. «Рискнув» утверждать такое, Шахназаров сопровождает свое заявление множеством оговорок. Оказывается, Программа не была выполнена во многом по вине империализма. И вообще, достижения Страны Советов в области космоса, строительства газопроводов, железных дорог и каналов трудно переоценить¹⁶. Хорошо, что в СССР не строили пирамид.

Анализ Программы могла себе позволить только зарубежная пресса. «Экономист» писал, что *«новый документ несет на себе отпечаток праг-*

матизма нового руководителя»... Новая Программа предлагает русским лучезарное будущее, но она больше не расшифровывает конкретные черты этого будущего: «КПСС не ставит перед собой цель детального предвидения черт полного коммунизма». Не говорит она и о том, когда он наступит. В ней, конечно же, подразумевается конечный триумф коммунизма, но путь к нему будет «неровным, сложным и противоречивым». Капитализм, характеризуемый в Программе 1961 г. как «созревший для социальной революции пролетариата», в 1985 г. «все еще силен и опасен», хотя и благополучно миновал пик своего развития. В новой программе прослеживается явная критика в отношении строгих временных рамок, определенных в Программе 1961 г., которая обещала, что обеспечение бесплатным жильем и транспортом, ликвидация тяжелого ручного труда и экономическое превосходство над Западом наступит в течение жизни одного поколения. «Экономист» без труда заметил и критику «самого Брежнева, заключенную в ссылки на инертность и политику в неверном направлении, характерных для руководителя в последние годы его жизни», и основные идеи Горбачева, которыми была пронизана новая редакция: «Он стремится к ослаблению бюрократии и к внедрению высокой технологии. Он хотел бы предоставить больше автономии руководителям предприятий и стимулировать центральные планирующие органы к тому, чтобы они делали акцент на долговременном планировании, а не занимались мелкими проблемами... Сохраняя в Программе туманные формулировки или — в тех местах, где приходится быть точным, — излагая излишне осторожно, новый руководитель оставляет место для маневрирования». Этот комментарий можно признать вполне справедливым, но вывод исходит скорее из западной практики, чем из советской: «Отказавшись от преувеличенных обещаний и иногда от лирического стиля Программы 1961 г., Горбачев принес в жертву вдохновляющий настрой, необходимый каждой политической программе, чтобы она была хотя бы частично убедительной»¹⁷. Как это ни странно, отказ от задачи построения коммунизма в ближайшее будущее активизировал общество — как пример отказа от заведомо невыполнимых, провальных планов, как свидетельство правдивости и ответственности руководства. Тем более, что Программа по-новому возвращалась к хрущевскому романтизму, выдвигая с рубежа середины 80-х гг. почти столь же смелые экономические задачи, которые Хрущев выдвигал в начале 60-х.

На это обращает внимание С.Шмеман: «Отбрасывая прожекты предыдущего документа как беспочвенные фантазии, М.С.Горбачев официально сделал задачей партии удвоение к концу века производственного потенциала и увеличение производительности труда на 150% в течение 15 лет»¹⁸.

Горбачеву приходилось решать взаимоисключающие задачи — наращивать промышленную мощь до уровня необходимого сверхдержаве и одновременно (как условие первого) осуществлять дорогостоящие преобразования. Романтические надежды на возможности научно-технического прогресса сталкивались со множеством трудностей, главной из которых была гонка вооружений. Это ощущение попало в проект и было замечено. Д.Дом-

бре комментировал в «Монд»: «Особенность этого документа, который будет утвержден в феврале будущего года XXVII съездом, в том, что он устанавливает связь между накопившимся за последние годы брежневской эры отставанием и военными расходами страны. Характерное для конца 70-х гг. “замедление темпов развития народного хозяйства”, в сущности, ставится в прямую связь с “обострением международной обстановки”, из-за которой “СССР вынужден был предпринять дополнительные усилия для поддержания на должном уровне своей обороноспособности”. Это впервые, когда советское руководство настолько ясно указывает на ущерб, который пушки наносят маслу»¹⁹.

Зарубежные комментаторы не заметили политических коррективов, которые были внесены в документ, а они тоже были симптоматичны. Гораздо большее внимание было уделено самоуправлению при коммунизме и при переходе к нему²⁰. Если хрущевская Программа концентрировала внимание прежде всего на технологических сдвигах, которые влекут за собой социальные изменения, то горбачевская версия учитывала необходимость социально-политических реформ.

Впрочем, реальное движение к самоуправлению еще не началось, в центре политического курса оставалось «наведение порядка». Лейтмотивом проводившихся одновременно с обсуждением Программы партийных отчетно-перевыборных конференций было «повышение спроса с каждого члена партии»²¹. Но иногда звучали и новые нотки: «За окном министерства... — писал еще малоизвестный журналист М.Полторанин, — экзаменуется жизнью точность решений сотрудников аппарата, их способность мыслить по государственному, идти в ногу со временем»²². Партийная печать уже разворачивалась для последующей атаки на аппарат.

Полторанин Михаил Никифорович

1939 г. рождения. Работал бетонщиком на Братской ГЭС. Во время службы в армии вступил в 1961 г. в КПСС. В 1966 г. окончил факультет журналистики Казахского государственного университета, а в 1970 — ВПШ при ЦК КПСС. Работал в «Правде». В 1986—1987 гг. — главный редактор «Московской правды». С 1988 г. — политический обозреватель информагенства «Новости». В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы. В 1990 г. вышел из КПСС. В 1991—1992 гг. — министр печати и информации России. В 1993 г. — руководитель Федерального информационного центра РФ²³. Избран в Государственную Думу по списку «Выбора России». В 1994—1995 гг. — председатель Комитета по средствам массовой информации Государственной Думы.

Отчетно-перевыборная кампания стала первой пробой сил для реформаторов. Она позволила устранять неустойчивые консервативные кадры без лишнего шума, в порядке «внутрипартийной демократии». Но в целом Горбачев вспоминал эту кампанию без воодушевления: «Сказать, что отчетно-выборная кампания перед XXVII съездом отличалась от прежних, не могу.

Правда, кое-где появились робкие признаки начавшегося раскрепощения сознания. Коммунисты, вопреки стараниям аппаратчиков, начали проваливать навязываемых им руководителей, избирать тех, кто был им по душе. “Работяги” стали посмелее высказываться. Но в основном все катилось по наезженной колее»²⁴.

Октябрьский Пленум и совещания после него позволили Горбачеву еще раз опробовать идеологические новинки, которым предстояло стать сюрпризами XXVII съезда: «Во многих случаях наши руководящие товарищи оказываются на высоте: умело перестраиваются, добиваются неплохих результатов. Но иногда перестройка не получается»²⁵. Слово «перестройка» снова употреблено здесь как самостоятельный термин, но слушатели еще не знали, что ему суждено стать символом реформ Горбачева.

Тут же Генсек упомянул и об антитезе перестройке: «Взяв когда-то линию на стабилизацию, на закрепление кадров, мы незаметно для себя перешли необходимую разумную грань. И это привело в ряде случаев к застою...»²⁶ «Застой» как символ эпохи «стабилизации кадров» должен был превратиться вскоре в объект сокрушительной критической кампании, которая будет расчищать новым кадрам дорогу на место старых. Горбачев прямо говорил о необходимости перемещения кадров «хотя бы по горизонтали»²⁷, чтобы они оторвались от насиженных мест. Генсек предложил также «встряхнуть» аппарат советов²⁸. Но в то же время, во избежание паники, Горбачев отметил, что в этом деле нужно проявлять внимательность, не торопиться (особенно на низовом уровне)²⁹. А тем временем завершалась подготовка первых антиведомственных реформ времени Горбачева.